

Н. Д. Кочеткова. **Фонвизин в Петербурге.**— Л.: Лениздат, 1984.—238 с.

Книга Н. Д. Кочетковой рассказывает нам о Петербурге Фонвизина и о Фонвизине в Петербурге. «Большая часть жизни Фонвизина прошла в Петербурге. Здесь написаны самые значительные его произведения, здесь состоялась премьера «Недоросля». В городе на Неве он встречался с Новиковым, Дмитриевским, Державиным и другими замечательными современниками. «В Ленинграде немало памятных мест, связанных с именем великого драматурга»,— напоминает автор читателям. Автор стремится показать осязаемо, живо, в широком историко-литературном контексте и жизнь, и творчество, и духовные устремления сатирика. Фактологический материал обретает при этом емкость, насыщается духом эпохи, включается в духовно-творческий мир писателя и становится осязаемым нужным, необходимым для углубления наших знаний и представлений о самом Фонвизине, о XVIII веке, в котором он жил и идеи которого полновесно, объемно выразил.

И, конечно, в книге Н. Д. Кочетковой на переднем плане сам Фонвизин как творческая личность, его отношения с окружающими людьми, его идейные и эстетические позиции, его нравственное кредо. Но при этом важное место занимает и Петербург с его социальными противоречиями и контрастами, пышными дворцами царей и вельмож, присутственными местами, придворными и светскими интригами, пошлой суетой, и Петербург — культурный центр с интенсивной умственной жизнью, горнило острой идеологической борьбы по актуальнейшим вопросам: самодержавно-бюрократический произвол, бедствия закрепощенного народа, паразитизм и нравственное уродство дворянства.

Опираясь на достижения советской науки, искусно, с хорошим чувством меры и пропорций, оперируя историческими и литературными фактами, краеведческими и архивными материалами, Н. Д. Кочеткова вовлекает читателя в своеобразное путешествие, чутко руководит им, оживляя и личность Фонвизина, и

связанные с его именем памятные места Петербурга-Ленинграда.

Многое, о чем пишет Н. Д. Кочеткова, известно. Но все факты, целенаправленно соотнесенные и рассматриваемые в избранном аспекте, воспринимаются свежо и живо. Лаконичные характеристики лиц, с которыми общался Фонвизин (актеров и писателей Ф. Г. Волкова, И. Д. Дмитриевского, В. И. Лукина, П. А. Плавильщикова, Г. Р. Державина, вельмож И. И. Шувалова, Г. Потемкина, М. А. Румянцевой, родных и друзей), также достоверны и выразительны. Оживают герои прошлого с их интересами, притязаниями, сложностью взаимоотношений. Особое внимание автор уделяет связям Фонвизина с передовой общественностью, с Н. И. Новиковым, и здесь очень уместной была бы общая четкая характеристика русского Просвещения. Книга хорошо иллюстрирована. Завершается она таблицей «Здесь жил Фонвизин» и списком лучших исследований о писателе.

Значение книги Н. Д. Кочетковой не только в том, что она обогащает наши знания о Фонвизине, но и в ее органической связи с современностью. Автор видит Петербург глазами Фонвизина и глазами сегодняшней ленинградки, влюбленной в свой город, в подробностях излагает историю и судьбу зданий, аллей, парков, где бывал писатель. Строго следуя принципу историзма в интерпретации фактов, автор освещает их сквозь призму сегодняшнего дня, умело использует для воспитания наших современников в традициях патриотизма, любви к великой русской культуре и литературе.

Л. Л. Короткая

Magyar verbális asszociációk 1 / Szerkesztette és a bevezetést írta Ballo-Larisa. I.—II. kötet.— Szeged — Budapest — Debrecen, 1983.— 422 p.;

Magyar verbális asszociációk 2 / Szerkesztette és a bevezetést írta Jagusztinné Ujvári Klára. I.—II. kötet.— Szeged — Budapest — Debrecen, 1985.— 414 p.

В новой серии «Венгерских психолингвистических исследований», издавае-

мых под редакцией Ф. Паппа и Ж. Лендъела, Л. Балло и К. Уйвари опубликовали материалы по венгерским вербальным ассоциациям.

В двух частях первого выпуска «Венгерских вербальных ассоциаций» приводятся полные результаты проведенного в 1979 году ассоциативного эксперимента в Дебреценском университете. 384 испытуемых-студента выдали в его ходе по одной свободной ассоциации на каждый из предъявленных им 188 слов-стимулов. В список стимулов включено 75 из 100 стимулов первоначального ассоциативного списка Г. Кент и Н. Розанова, а также стимулы, определенные на основании частотных данных, и стимулы, эквивалентные включенным в первый выпуск «Словаря ассоциативных норм русского языка», что должно будет облегчить намеченное в будущем сравнение на русском языке ассоциаций венгерских учащихся. Каждая из расположенных в алфавитном порядке 188 статей содержит все выданные испытуемыми реакции на данный стимул. Они располагаются в порядке убывания частоты ответов, которая, разумеется, тоже указывается. Стимул и пять самых частых ассоциаций переводятся на русский и английский язык, что облегчает использование словаря иностранцами. Для стимулов было бы полезно дать наряду с естественно приблизительными переводами также английский эквивалент из списка Кент — Розанова и русского ассоциативного словаря тогда, когда он не совпадает с переводом стимула (ср. в английской части переводы стимулов «цветок», «доктор», «быстрый» и под.). В списке довольно много глаголов, которые даются в форме 3 лица ед. ч. наст. вр. К словарю приложено очень полезный указатель ассоциаций, встретившись 3 и более раз.

Надо отметить, что введения к обоим выпускам даны не только на венгерском, но также на русском и английском языках.

Две части второго выпуска содержат результаты ассоциативного эксперимента с теми же 188 стимулами, проведенного с учащимися 11—14 лет в 1981 году. Словарь и приложение к нему построены так же, как в первом выпуске. Только показатель *N* в конце статьи в первом выпуске, как это принято, обозначал количество испытуемых, а во втором он использован для обозначения пропущенных ответов, что не совсем обычно. Можно отметить, что в частых реакциях подростки приближаются к ассоциированию взрослых, как это было и в словачком эксперименте Л. Маршаловой и белорусском Г. И. Николаенко, т. е. к концу рассматриваемого возраста уже формируется ассоциативная система, близкая к лексико-ассоциативной системе взрослых.

Публикации венгерских коллег обогащают наши сведения о лексическом ассоциировании данными еще одного языка, не входящего в индоевропейскую семью (до сих пор опубликован лишь киргизский словарь Л. Н. Титовой и не-

которые данные по другим тюркским и эстонскому языкам). Анализ этих данных, в том числе и сравнительный, представляет значительный интерес для типологической и теоретической лингвистики, а также в связи с вопросами обучения языку.

А. Е. Супрун,
А. П. Клименко

Н. Б. Мечковская. Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А. Е. Супруна. — Минск: изд-во «Университетское», 1984. — 160 с.

Рецензируемую работу можно назвать образцово выполненным исследованием достижений и лингвистической методологии ранних восточнославянских грамматик.

В основу работы по истории формирования определенной науки могут быть положены разные принципы. Историко-научное исследование может быть ориентировано на то, чтобы выявить, как научные представления некоторого времени выступают в качестве предпосылки науки более поздней. В работах такого типа критерием ценности тех или иных представлений служит наличие их продолжения, развития на следующем историческом этапе. При подобном подходе многие положения ранних восточнославянских грамматик оказались бы наивными, беспомощными (так и воспринимались они многими исследователями).

Существует иной подход: на основе воссоздания всего комплекса представлений, характерных для определенной области знаний на раннем этапе ее развития, и использования всех возможных методов устанавливается, как и почему возникли те или иные свойственные данной эпохе элементы научной мысли в их совокупности. При этом учитываются связи с характерными сторонами жизни общества определенного времени и места. Именно такой путь избирает автор, и ему удается показать, в частности, что многие «детские» идеи грамматистов XVI—XVII вв., оставшиеся за пределами более поздней науки, являются достаточно закономерно возникающей составной частью начинающейся развиваться восточнославянской науки о языке.

Своеобразие восточнославянской филологической мысли XVI—XVII веков определяется, по мнению Н. Б. Мечковской, «столкновением многовековых славяно-византийских культурных традиций с новыми явлениями европейской культуры, связанными с гуманизмом, Реформацией и контрреформацией, барокко» (с. 6). Несомненной заслугой автора является то, что отличительные признаки церковнославянского языка и филологической традиции у восточных славян, которые, как справедливо утверждается в работе, есть основания рассматривать и как отличительные признаки всей восточнославянской культуры этого периода, устанавливаются на основе анализа сложных внутренних связей в духовной